

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 09.00.11)

Научная статья

УДК 101

doi: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-18-23

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛЯТОРА

© *Александр Александрович Шматько*

Армавирский государственный педагогический университет

г. Армавир, Россия

Redaction-el@mail.ru

Аннотация. Исследуются культурные, социальные и лингвистические механизмы формирования и функционирования исторического сознания в современном обществе. Показано, что интерсубъективные смыслы как нарратива, так и исторического факта имеют под собой исключительно культурные основания и ценностно-смысловые проекции. Именно культурная обусловленность представлений об истории позволяет ей осуществлять социорегулирующие функции, обеспечивать поддержание макроидентичности в обществе и представления о динамическом аспекте общественного сознания, игнорируя культурные разрывы. Показано, что «историческое» создается в акте интерпретации, который присваивает событию новый смысл надповседневного, нового эмерджентного характера, не присущий ему изначально. Поэтому нарратив оказывается невозможен без интерпретации и репрезентации.

Ключевые слова: историческое сознание, социальная регуляция, норма, ценность, исторический факт, кризис, нарратив, культура.

Для цитирования: Шматько А.А. Социокультурные механизмы функционирования исторического сознания как социального регулятора // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 89. № 6. С. 18-23. doi: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-18-23

PHILOSOPHY

(specialty: 09.00.11)

Original article

Sociocultural mechanisms of functioning of historical consciousness as a social regulator

© *Alexander A. Shmatko*

Armavir state pedagogical university, Armavir, Russian Federation

Redaction-el@mail.ru

Abstract. It is considered the issues of cultural, social and linguistic mechanisms of the formation and functioning of historical consciousness in modern society. It is shown that the objective meanings of both a narrative and a historical fact are based exclusively on cultural foundations and value-semantic projections. It is the cultural conditioning of ideas about history that allows it to carry out socio-regulatory functions, to ensure the maintenance of macro-identity in society and ideas about the dynamic aspect of public consciousness, ignoring cultural gaps. It is shown that the «historical» is created in the act of interpretation, which assigns to the event a new meaning of a supra-everyday, new emergent character, which was not originally inherent in it. Therefore, the narrative is impossible without interpretation and representation. It is shown that the «historical» is created in the act of interpretation, which assigns to the event a new meaning of a supra-everyday, new emergent character, which was not originally inherent in it. Therefore, the narrative is impossible without interpretation and representation.

Key words: historical consciousness, social regulation, norm, value, historical fact, crisis, narrative, culture.

For citation: Alexander A. Shmatko Sociocultural mechanisms of functioning of historical consciousness as a social regulator. *The Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 89. No 6. P. 18-23. doi: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-18-23

Введение

Вопрос о природе, культурных детерминантах и регуляционных механизмах исторического сознания постоянно актуализируется в современном обществе, и это не случайность. Традиционное общество не ставит вопроса об историческом сознании в силу «надповседневности» историзма и неисторичности понимания «кризиса» как такового (который в нем не представляет собой прецедента и не остается в памяти, в отличие от своего содержания – кризисного события).

Функцию социальной регуляции исторического сознания нужно понимать в самом широком смысле – как механизм воздействия на общество через ценностно-нормативные механизмы и коммуникационную сферу. Она может осуществляться стихийно и целенаправленно, институционально или внеинституционально, последовательно или периодически или случайно.

Дискуссии о функциях исторического сознания лежат в плоскости «обеспечение интеграции-дезинтеграция», «обеспечение макроидентичности». Современное общество как общество постоянного кризиса пытается отыскать действенные механизмы саморегуляции не через иерархию, а через внутренние механизмы самопрезентации и репрезентации. Однако эта целостная социорегулирующая функция, осознанная как социокультурная необходимость для современного общества парадоксальным образом оказывается недоступной. Поскольку важнейшие компоненты исторического сознания – историческое познание, историческое мышление, исторический факт – в процессе рационализации и рационального осмысления оказываются существующими в радикально разных, не сводимых друг к другу, областях. И проблемное поле исторического познания вследствие этого оказывается раздробленным как в дисциплинарном, так и в смысловом смысле.

Разумеется, историческое познание закономерно опирается на содержательную, фактическую сторону, оно руководствуется пониманием исторического факта как объективного события. И зачастую при этом игнорирует разрывы культурных традиций познания. Однако любой более внимательный взгляд на исторический нарратив показывает, что смена культурных традиций влечет за собой последовательную смену всех базовых компонентов общественного сознания, в том числе, исторического. Для современников этот процесс чаще всего остается незаметным. И только изменения исторического сознания проявляют себя в качестве маркера культурных и социальных изменений, определяющих социальную и этическую направленность развития [11, с. 3426–3429].

Именно потому историческое познание так часто обвиняют в «изменчивости». Новая реальность требует новых корреляций с ценностями общества и векторами его развития. Из всего содержательного каркаса исторического сознания наиболее неизменным и стабильным выглядит исторический факт.

Однако и он также понимается неоднозначно. Естественные науки генерализируют факт, а история индивидуализирует, как было замечено Г. Риккертом [8, с. 69–101]. Статус факта в истории всегда отличается от статуса факта в естественных науках: естественнонаучный факт стремится к универсальности, а исторический факт по своему происхождению идеографичен и уникален, хотя его и можно в процессе интерпретации до известной степени обобщать по какому-либо критерию и включать в ряды подобных фактов. Интересно то, что ни один факт не возникает как исторический, но он может им стать, если событие, составляющее его содержание, обретет свое место в причинно-следственной цепочке исторического нарратива. Эти цепочки монтируются их авторами по различным основаниям: религиозному, политическому, экономическому или другому, например, научному. Соответственно, на этом основании из одних и тех же фактов могут складываться разные «истории»: история религии, экономическая, политическая или история науки.

Обсуждение

В нарративе имеется только одно «место» для каждого факта (если речь идет о главных событиях, определяющих смысл этого повествования, в иных точках границы могут расширяться до нескольких фактов, призванных подкреплять, иллюстрировать или, напротив,

проблематизировать то или иное суждение об истории). Однако как отсутствие фактов, так и их избыток для исторического повествования губительны, приток в описание слишком большого количества фактов, не связанных между собой и происходящих параллельно, ломает нарратив несмотря на то, что именно такая конструкция может лучше отражать многообразие жизни в ее непосредственной данности.

Ф. Анкерсмит [1] и другие постмодернисты замечали, что из всего многообразия событий жизни историк охотнее выбирает социальную травму и работает с ней. Это отчасти объясняет причину, по которой исследования войн, катастроф, хроники властных династий гораздо легче маркируются как «исторические», чем история повседневности и описания мирной жизни, которые приходится просеивать сквозь фильтры «неисторичного». Уникальных событий, не связанных последовательно в структуре нарратива, должно быть не слишком много, иначе происходит превращение ясной и строгой смысловой последовательности в бессмысленный хаос, за которым исчезает и уходит в небытие сам нарратив.

В связи с уникальностью исторического факта возникает также проблема «фильтра», сквозь который должно пройти событие, чтобы обрести свое место в нарративе и стать историческим. Происходить такое включение в нарратив, по-видимому, может как изнутри события, так и извне. Можно предположить, что внешнее включение производит историк, основываясь на источниках, а внутреннее производят сами участники события, присваивая ему историческую значимость и фиксируя его каким-либо способом для передачи сообщения о нем потомкам.

Отношение М. Блока к историческим источникам как к «неговорящим» [3, с. 42] тоже показательна, потому что в случае с нарративом повествовать может все, к чему может быть адресован вопрос и от чего получен ответ, нужен лишь слушатель. О лингвистической обусловленности мира говорил еще В. фон Гумбольдт. Мир может быть прочитан как текст, говорящий устами автора [5]. Э. Сепир и Б. Уорф даже обосновали гипотезу «лингвистической относительности» [4, с. 66–72], согласно которой восприятие реальности соответствует структурам языка: язык определяет мышление.

Прочитанное как культурный текст каменное зубило может быть и антропологическим, и социальным свидетельством, оно тоже может «разговаривать» на ускользящем языке человека, делавшего на нем насечки и на языке общества, имевшего подобные практики. Любой артефакт записывает на себе эту культурную, ценностную речь и может начать транслировать ее тому, кто способен услышать и различить послание. Повествовать о событии может и человек, и в этом случае в исторический текст превращаются не только сказанные им слова, но и буквально все, что связано с ними: социальный статус человека, его культурный уровень, особенности его личности и биографии, отношение к событию и многое другое.

Однако историк хочет дистанцироваться от «разговора» с источником, заявляя, что источник молчалив, и это не случайно. Между ними действительно нет диалога, есть набор «монологов», повествований как с одной стороны, так и с другой. Однако для историка важна его собственная речь, он прислушивается лишь к себе, опасаясь фальши. И выступает в качестве активного «сильного» субъекта, который захватывает объекты и создает из них нарратив. Пренебрегая при этом важнейшим состоянием «слабого» субъекта, который не захватывает, а сам захвачен, не действует, а предстоит перед лицом истории, подчинен ей.

Сильный субъект думает о своей речи, освобождает ее от перспективы различения в каждом артефакте множественных смыслов. И дает ее только одно начало – собственную культуру историка, его «точку зрения». Не заглушенную семантической многозначностью культурных текстов, говорящих на своем языке. Сделав выбор источников, он начинает рассказ от имени этих источников. И закрывает глаза на то, что неговорящие источники иногда дают ответ не совсем на тот вопрос, который был им задан. А если источник – не каменное зубило, а собственно текст, то его «немота» вообще оказывается под вопросом, потому что оно изначально создавалось затем, чтобы повествовать о своем предмете. Историк создает контекст для рассказчика, но контекст, иногда меняет значения данного рассказа на противоположный.

Есть и внутренний смысл в производстве нарратива. Изнутри включение в нарратив производится самими его участниками, которые непосредственно соприкасаются с историческими источниками, порождают их, сами становятся источниками, придают событию смысл и транслируют этот смысл как исторический. И это становится «свидетельством очевидцев», удостоверяющих важность события и берущих на себя ответственность за присвоение ему значений

И именно двусторонний процесс внутреннего и внешнего осмысливания события делает исторический нарратив столь объемным, стереоскопическим и создает для историка некий «коридор смысла», за границы которого он не должен выходить. Гораздо сложнее оказывается работать, когда речь идет об историческом периоде, в котором повествующих свидетелей еще нет, а есть только материальные артефакты. В этом случае тяжесть реконструкции антропологической реальности переносится на одного историка и, очевидно, ему приходится брать на себя роль «сильного субъекта», восполняя отсутствующие голоса свидетелей. Допуская, очевидно, более серьезную редукцию в отношении антропологической составляющей.

Историк производит последнее, внешнее включение в контекст, он дистанцирован от события во времени и пространстве, но у него получается различить, увидеть в нем новый генеральный смысл, которого не заметили современники и очевидцы. Интерпретация, таким образом, может быть понята как своего рода фильтр, проходя сквозь который событие получает значение, не существовавшее ранее. Значение «сверх себя самого». Событие получает дополнительный статус внутри самого нарратива, оно становится «предпосылкой», «фактором», «следствием» или чем-то еще, чем никогда не стало бы, находясь в собственных пределах и не будучи включенным в нарратив или аналитическое рассуждение.

Именно по причине многократной интерпретации событий самыми разными субъектами так сложно различить «социальное» в «социальных связях» и «социальное» в «ассоциациях», как метко подметил Б. Латур [7, с. 92]. Исследователь критически относится к пониманию «социального» как особого, отдельного вида общественных связей, на которых, собственно, и держится весь вес общественных отношений, вся культурная ткань общества несмотря на то, что такая трактовка является для социальных наук достаточно привычной. Экстраполируя сказанное Б. Латуром на динамический, то есть, исторический аспект, можно сказать, что «историческое» в «социальных связях» и «историческое» в «ассоциациях» также достаточно трудно различается, однако вполне имеет право на существование, если понимать под первым внутреннюю силу, создающую нарратив, а под вторым – внешнюю силу, произвольно принудительную по отношению к нему.

Хотя здесь остается все та же проблема – внешнее от внутреннего бывает почти невозможно отличить, находясь на исторической дистанции если, разумеется, снова не реифицировать эти связи и не начать понимать их как некие фигуры реальности, а не определенные мысленные смысловые конструкции, всегда преходящие и имеющие феноменальную природу, то есть, существующие в границах человеческого сознания. От этого Б. Латур уже обоснованно предложил уйти. К стороннему наблюдателю и то, и другое приходит в лучшем случае как фактическое дескриптивное свидетельство, а в худшем – или как аналитическая объяснительная схема, готовая интерпретация, из которой нужно извлечь то, что осталось от события. Особенно это актуально для древней истории, где вообще есть дефицит каких бы то ни было свидетельств о жизни. Анализ исторических событий, достающийся историку от предыдущих поколений коллег, всегда создает дополнительные трудности по предварительному дефрагментированию данного текста, разложению его на составные части на предмет поиска мифоконструктов, ошибок, неверных связей. И извлечения из него собственно описаний событийного ряда, «строительного материала» для нового историописания. Поэтому история как нарратив оказывается невозможной без репрезентации.

Оказываясь на исторической дистанции от события, историк лишается права описывать свой собственный опыт, однако он негласно продолжает использовать ценностно-культурные координаты своего общества в конструировании исторического нарратива. Выйти за их границы он не может по той же самой причине отсутствия опыта. Для реконструкции про-

шлого необходима некая онтологическая определенность, а позаимствовать ее нельзя нигде, кроме как у самого себя. Поэтому любое суждение о прошлом происходит в формате ценностей настоящего и превращается в «точку зрения», без которой историописание невозможно.

С другой стороны, Анкерсмит замечает, что с дистанцией тоже не все просто [1, с. 87]. Граница между прошлым и будущим не дана, ее не существует до тех пор, пока ее не прочертил историк. Если он начал исследование, не прочертив исторической границы и не отступив на определенную культурную дистанцию, он продолжает находиться в современности. Тогда он по праву причастности снова возвращает себе право говорить от собственного лица и пользоваться собственным опытом, но лишается своего объекта – прошлого.

Выводы

Таким образом, опыт исторического познания XX в. показал, что в реализации социорегулирующей функции исторического познания не столь важно, какой эпистемологический статус присваивается историческому познанию, редуцируется ли в этих объяснительных схемах субъект или напротив, гипертрофируется. Не столь важно, как происходит репрезентация исторического нарратива. Важно то, что эти трансформации проходят феноменологическую развертку и механизмы социокультурной фильтрации. Историческое сознание, как интерсубъективный феномен, должно иметь поддержку и в онтологических статусах объективного (исторический факт), и онтологии субъективного (индивидуальное сознание). А способы и механизмы, которыми производится данная поддержка, всегда коррелируют с культурными традициями общества.

Список источников

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. 608 с.
2. Анкерсмит Ф. История тропологии: взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с.
3. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Таллин: Ээсти раамат, 1983. 184 с.
4. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. 2011. № 8. С. 66–72.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
6. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон+; РООИ Реабилитация, 2010. 400 с.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 384 с.
8. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология XX век. Антология. М.: Юрист, 1995. С. 69–101.
9. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
10. Уайт Хейден // Доманска Эва. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон+, 2010. 400 с.
11. Gazgireeva L.K., Goverdovskaya E.V., Vetrov Y.P., Goncharov V.N., Erokhin A.M., Kolosova O.Y. Pedagogical conditions for the professional competence formation of medical universities students in the course of studying bioethics conceptual fundamentals // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Т. 10. № 12. С. 3426–3429.

References

1. Ankersmit F.R. A sublime historical experience. M.: Publishing house Europe, 2007. 608 p.
2. Ankersmit F. History of tropology: the rise and fall of a metaphor. M.: Kanon +, 2009. 400 p.
3. Blok M. Apology of History, or the Craft of the Historian. Tallinn: Eesti raamat, 1983. 184 p.

4. *Buras M., Krongauz M.* Life and fate of the hypothesis of linguistic relativity // *Science and life*. 2011. No. 8. P. 66–72.
5. *Humboldt V. von.* Selected works on linguistics. Moscow: Progress, 2000. 400 p.
6. *Domanska E.* Philosophy of history after postmodernism. M., 2010. 400 p.
7. *Latour B.* Reassembly of the social: an introduction to the actor-network theory. Moscow, 2014. 384 p.
8. *Rickert G.* Nature sciences and culture sciences // *Cultural studies of the XX century. Anthology*. M., 1995. P. 69-101.
9. *Ryuzen J.* Crisis, trauma and identity // "Chain of times": problems of historical consciousness. Moscow, 2005. P. 38-62.
10. *White Hayden* // Domanska Eva. Philosophy of history after postmodernism. M., 2010. 400 p.
11. *Gazgireeva L.K., Goverdovskaya E.V., Vetrov Y.P., Goncharov V.N., Erokhin A.M., Kolosova O.Y.* Pedagogical conditions for the professional competence formation of medical universities students in the course of studying bioethics conceptual fundamentals // *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*. 2018. Vol. 10. No. 12, pp. 3426–3429.

Статья поступила в редакцию 21.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

The article was submitted 21.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 10.12.2021.